

М. А. Киселев

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ТЕРМИНА «ПОЛИТИЧНЫЙ» В РОССИИ XVIII В.: К ПРЕДЫСТОРИИ ПОНЯТИЯ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

doi: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-84-92

УДК 930(47):94(47)“17”

ББК 63.3(2)51

Статья посвящена предыстории появления в российском политическом языке такого важного для европейской культуры Нового времени понятия, как *цивилизация*. С учетом историографии в статье внимание сосредотачивается на прилагательном *политичный*. В языке Московского царства XVI–XVII вв. понятие *варвары* преимущественно использовалось в значении «нехристианские народы», которым противопоставлялись *христиане*. Во второй половине XVII в. в Россию проникают и затем усваиваются элитой представления, согласно которым варварство связывалось с отсутствием у народа определенного уровня знаний и наук, а также манер общения, по освоении которых народ из варварского должен был стать политичным. При этом Россия с этой позиции воспринималась прежде всего как варварская страна. По мере успехов петровских преобразований и связанных с этим успехов в освоении европейских наук за Россией стал признаваться статус *политичного народа*, что на официальном уровне было провозглашено в 1721 г. К первой четверти XIX в. прилагательное *политичный* перестает использоваться для описания стадии развития народов, противопоставляемой *варварству*, и остается в языке лишь в значении «учтивый, вежливый». Это было связано с тем, что *политичное* состояние, воспринимаемое как внешнее усвоение манер и знаний, было поглощено идеей *просвещения*, предполагавшей интериоризацию усвоенных знаний и соответствующего изменения поведения людей («нравов»).

Ключевые слова: *история понятий, цивилизация, политичный, реформы Петра I*

Хотя история понятий в российской историографии довольно прочно ассоциируется либо с немецкой Begriffsgeschichte, либо с английской Кембриджской школой, еще в публикации 1930 г. французский историк, один из основателей школы «Анналов» Л. Февр довольно язвительно отмечал, что «ни один маститый историк не надоумил, ни один молодой историк не дошел своим умом до мысли посвятить истории какого-нибудь» важного для культуры термина «углубленное исследование».¹ Сам Февр представил пример такого исследования, выбрав для него историю термина *civilisation* (*цивилизация*) и связанной с ним группы идей и слов в текстах прежде всего французских авторов 1750–1850-х гг.

Если говорить об изучении бытования этого важного понятия европейской культуры Нового времени в российской общественно-политической мысли, то на этой проблеме специально остановился М. Б. Велижев в работе 2019 г., вышедшей в известной книжной серии «Азбука понятий» Европейского уни-

верситета в Санкт-Петербурге, являющегося одним из центров по изучению и популяризации истории понятий в России. Исследователь отмечает, что «в течение почти шестидесяти лет [с 1756 г. — М. К.] после появления в европейских языках понятия “цивилизация” в русском языке оно фактически отсутствовало». По мнению М. Б. Велижева, «объяснение языковой лакуны следует прежде всего искать в особом билингвизме русской интеллектуальной культуры. Представители высшего света на рубеже XVIII и XIX веков зачастую думали и писали о религии, политике, экономике, философии, праве на иностранных языках».²

Однако Р. Вульпиус в статье 2012 г. констатировала, что «до момента распространения самого слова *цивилизация* в России конца XVII в. существовало понятийное поле (*Begriffsfeld*), в котором было место имперским представлениям о *цивилизации/цивилизированности*». Ключевыми терминами, согласно историку, были *политичный* (приводятся источники первой четверти XVIII в.), *людскость* и *просвещение* (приводятся источники за весь XVIII в.). При этом, отмечает Р. Вульпиус, концепт *просвещения* был до начала XVIII в. тесно связан с религиозным контек-

¹ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 239.

² Велижев М. Б. Цивилизация, или Война миров. СПб., 2019. С. 77, 79.

том, а с первой четверти XVIII в. в употреблении этого слова «акцент все больше и больше смещался в сторону духовного роста как основы для развития, способности читать и писать, а также определенного образа жизни (оседлость и земледелие)». Как результат, «во второй половине XVIII в. концепт *просвещение* приближается по смыслу к понятию *цивилизация*».³

Итак, у М. Б. Велижева предположение о влиянии билингвизма российской элиты на позднее — по сравнению с Францией — появление в русском языке понятия (или лучше в этом случае сказать слова?) *цивилизация* оказывается изящным решением, избавляющим от необходимости углубляться в его предысторию. Здесь имеет смысл вспомнить замечание К. Скиннера о соотношении *слов* и *понятий*, высказанное в статье 1989 г.: «Если мы хотим понять, как кто-то смотрит на мир — какие различия он проводит, какие классификации он принимает, — то нам нужно знать не то, какими словами он пользуется, а, скорее, то, какими понятиями он обладает». Это «может показаться простой игрой со словами. Ибо на него можно ответить..., что обладать понятием — значит знать значение слова. <...> Но было бы заблуждением отрицать существование разницы между ними», в связи с чем Скиннер указывал, что не следует сводить историю понятия к истории конкретного слова.⁴ Тот же Л. Февр показывал, что хотя создание существительного *цивилизация* и было, по его мнению, свидетельством «глубочайшей революции, которую совершила и через которую прошла французская мысль от второй половины XVIII в. и по наше время», однако его появлению предшествовало использование целого набора связанных с ним *слов*, включая глагол *civiliser* (цивиловать) и причастие *civilisé* (цивилованный).⁵ Схожим образом у Р. Вульпиус история понятия «цивилизация» в России сводится не к фиксации употребления конкретного слова, а к выявлению понятийного поля, в рамках которого использовался ряд слов.

Полноценная реконструкция истории появления и бытования понятия *цивилизация* в России едва ли возможна в рамках одной

статьи. С учетом уже сделанных наблюдений Р. Вульпиус в настоящей работе предполагает рассмотреть историю прилагательного *политичный* как части понятийного поля, связанного с представлениями о *цивилизации/цивилованности*. Если Р. Вульпиус рассмотрела соответствующее использование в России слов *людскость* и *просвещение* для всего XVIII в., то для *политичного* она ограничилась первой четвертью XVIII в., в связи с чем можно говорить о существовании лакуны, которую и необходимо закрыть.

Следует отдельно остановиться на соотношении прилагательных *политичный* и *политический*. В 1969 г. А. В. Волоскова, изучая терминологию трактата П. П. Шафирова «Разсуждение, какие законные причины... Петр Первый... к начатию войны против... Карола 12... имел» (1717 г.), отметила со ссылкой на «Политику» Ю. Крижанича, что «слово *политичный* (ср. польск. *polityczny*) известно еще в середине XVII в. и является, по-видимому, заимствованием из польского». При этом «в деловом языке на рубеже XVII–XVIII вв. еще нет четкой дифференциации значений и прилагательных *политичный* и *политический* (*политицкый*). Оба варианта могли употребляться как в значении “государственный”, так и в значении “вежливый, обходительный, цивилизованный”. Уже «словари второй половины XVIII в. отмечают дифференциацию значений у слов *политический* и *политичный*. Если в Лексиконе Вейсмана 1731 г.: “*политичный* — в политике, в гражданских, в штатских делах искусный человек”, то во 2-м издании 1782 г.: “*Politisch, politicus* — гражданский, политический; *политичный* — обученный, обходительный”; Ср. “*Политичный* — вежливый, обходительный” (Целлариус, 1771); “*Политичный, poli, civilisé*” (Нордстет, 1782 г.)».⁶ К схожим выводам, пусть и без учета статьи А. В. Волосковой, в современной историографии пришла И. Ширле: «Словом “политичный” в значении “культурный, благовоспитанный” в русском языке был передан один из аспектов понятия *Policey*, связанный французским словом *politesse* (политес, изысканность манер). Сферы применения параллельно существовавших слов “политичный” и “политический” в XVIII в. еще не были четко отделены друг от друга: слово “политический” тоже могло

³ Вульпиус Р. К семантике *империи* в России XVIII века: понятийное поле *цивилизации* // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 2. С. 53, 56, 62.

⁴ Скиннер К. Язык и политические изменения // Логос. 2005. № 3 (48). С. 144.

⁵ Февр Л. Указ. соч. С. 239.

⁶ Волоскова А. В. Иноязычные слова в дипломатической терминологии начала XVIII века // Взаимодействие языков. Свердловск, 1969. С. 40, 41, 42.

употребляться в значении «культурный, благовоспитанный». И только в последней трети XVIII в. «употребление слова “политичный” стало ограничиваться сферой, касавшейся обхождения при дворе и в обществе». ⁷ С учетом таких наблюдений в настоящей работе прилагательное *политичный* (*политический*) будет анализироваться в случае, если оно употреблялось для описания *цивилизированности*, то есть определенного уровня развития/стадии народа/страны, противопоставляемого *варварству* и *дикости* и связанного с овладением знаниями и науками.

В политическом языке Московского царства XVI–XVII вв. понятие *варвары/варварский* (*народ*) преимущественно использовалось в значении «нехристианские народы», которым противопоставлялись *христианство/христиане*. ⁸ Под последними прежде всего понимались православные. Правда, князь А. М. Курбский, бывший с 1564 г. в эмиграции в Речи Посполитой, указывал во втором послании Ивану IV, что ответ последнего был написан «так варварско, яко не токмо ученым и искусным мужем, но и простым и детем со удивлением и смехом, наипаче же в чуждую землю, иде же некоторые человецы обретаются, не токмо в грамматических и риторских, но и в диалектических и философских ученые». ⁹ Как отмечает А. И. Филюшкин, это был едва ли не «единственный известный по древнерусским памятникам пример употребления слова “варварско” в значении “невежественно”, “некультурно”». ¹⁰ Предположим, что к такому использованию данного слова Курбского подталкивали бытовавшие в Европе представления о варварстве. Столкнувшись в эмиграции с европейской образованностью, Курбский осознал недостатки своей московской образованности и стал стараться исправлять их в том числе и переводческой деятельностью. Соответственно, в предисловии к переводу «Нового Маргарита» Курбский, с одной стороны, упоминал, что Москва в 1571 г. была сожжена «варварскими руками» то есть войском

крымского хана, а с другой стороны, отмечая несовершенство своего перевода, заявлял, что исправить (улучшить) его может только тот, кто «искусен в грамотеческих чинех, и во прочих науках совершен, нежели аз», так как «варвар не может философских разумети, также и неученых учить». ¹¹ Итак, для Курбского варваром был не только кочевник-мусульманин, но и человек, не знающий наук. Другое дело, что такое утверждение не было фактом московской интеллектуальной жизни.

Уже во второй половине XVII в. оказавшийся в России хорват Ю. Крижанич в «Политике», написанной им в 1663–1666 гг. в ссылке в Тобольске и предназначенной для царя Алексея Михайловича, зафиксировал, что *Европыцы* считают венгров и славян *барбарами*. При этом «те самы народы, кои себе *людскими* и *политичными* [выделено нами — М. К.], а нас барбарами творят, далеко нас находят в округности, в обманности, в ересех и во всякой худобе и неправде... За что? Для ради незнания, и лености, и лудости наша». В другом месте он отмечал: «Ины политичны народы учятся единого мудрого языка, латинского или греческого, за то что есть потребен к философии». ¹² В сочинении «Толкование исторических пророчеств» (1674) Крижанич утверждал, что при соблюдении определенных условий «руски народ был бы давно в Племенитых, и *Политичных*, и благородним особам потребних науках избирен и убиствен, а не тако *груб* и не *умителен* [выделено нами — М. К.]; ни от Европских народов, за свою грубость, тако згордьен, ни осмеен, ни ненавиден». ¹³ Таким образом, у Крижанича *варварство* связывалось прежде всего с отсутствием у *народа* определенного уровня знаний и *наук*, по освоении которых *народ* из *варварского* должен был стать *политичным*.

Как констатировал А. Л. Гольдберг, «Крижанич хорошо знал польскую литературу XVI–XVII веков. В его сочинениях упоминаются имена многих польских писателей того времени и встречаются ссылки на их труды». ¹⁴ В связи с этим вслед за А. В. Волосковой вполне логично сделать вывод, что Крижанич ориентировался на польское слово *polityczny*,

⁷ Ширле И. Понятие политического в России XVIII в. // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2018. № 2. С. 11.

⁸ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2 (В — Волга). С. 18.

⁹ Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2001. Т. 11: XVI век. С. 68.

¹⁰ Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007. С. 301.

¹¹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. С. 558, 568.

¹² Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. М., 1859. Ч. 1. С. 146, 150.

¹³ Крижанич Ю. Собрание сочинений. М., 1891. Вып. 2. С. 54.

¹⁴ Гольдберг А. Л. Юрий Крижанич и Шимон Старовольский // Slavia. 1965. № 1. С. 29.

которое одновременно имело значение и «политический», и «благовоспитанный».

К настоящему времени крайне сложно сказать, читались ли сочинения Ю. Крижанича в России. Тем не менее они позволяют говорить, что представления о *политичных народах*, которые противоположны *варварам*, через выходцев из Европы, включая носителей славянских языков, не только проникали в Московское государство, но и использовались ими для его описания. И, что более важно, с конца XVII в. слово *политичный* фиксируется в активном лексиконе российской политической элиты. Как и в случае с Крижаничем, можно сделать вывод, что здесь имело место польское влияние. Как во второй половине XVII в., так и в первой четверти XVIII в. сочинения польских авторов в переводах и оригиналах имели определенное хождение в России.¹⁵ Воздействие могли оказывать и выходцы из присоединенных по Андрусовскому перемирию 1667 г. к России так называемых западнорусских земель, принадлежавших ранее Речи Посполитой. Однако все же для истории понятия ключевым является не фиксация этимологии связанных с ним слов, а скорее начало его активного употребления акторами, что и позволяет говорить о сдвигах в общественно-политической мысли.

Стольник П. А. Толстой, отправленный на учебу в Италию в весьма зрелом возрасте, отмечал в дневнике путешествия (1697–1699), что «венецыяне — люди умные, политичные, и ученых людей зело много».¹⁶ В 1702 г. при назначении послом в Стамбул он получил инструкцию с предписанием «с чужестранными министры обходитца политично [здесь и далее выделено нами — М. К.]».¹⁷ В Османской империи к 1703 г. Толстой составил ее описание, где отмечал, что предыдущий визирь «суть особа была *неполитичная*, и болши показывался, что он человек служивой был». В отличие от него, ныне действующий визирь «зело *разумен* и *политичен*, понеже во время мирных договоров со всеми христианскими государи он обращался, и навык доброй политики». Говоря о деятельности драгомана

А. Шкарлата, Толстой указывал, что он «ввел у турок в посолское поведение политических дел, и учинил в посолских делах древние *варварские обычаи* туркам оставяти и отревати и с посторонними государствы *политично* во всех делах поступати».¹⁸ Как видно из текстов Толстого, у него *политичное обхождение* противопоставлялось *варварским обычаям*, и при этом *политичное* состояние связывалась и с ученостью. Подчеркнем, что *политичное* в *обхождении* и *знаниях* было связано с европейскими образованностью и дипломатическими обычаями.

В 1704 г. префект Славяно-греко-латинской академии Иосиф Туробойский опубликовал книжицу с объяснением символики триумфальной арки, построенной в Москве в 1703 г. Он указывал, что эта арка есть «политическая, сиесть гражданская похвала труждающимся о целости отечества своего» и что такая похвала была «во всех *политичных*, а не *варварских* народах установленная [выделено нами — М. К.]». Он писал о «христианских от ига варварского свободных странах», где принято «в академиях и всяких школьных собраниях, идеже не токмо духовное, но и политичное учение сияет», составлять «похвальные венцы» победителям. К таким собраниям относилась новосозданная Славяно-греко-латинская академия, где «не токмо в божественных писаниях, но и в мирских историях, и всяких политичных обыкновениях российских юнош, наставляти нам повелено есть».¹⁹

В связи с этим показательное издание по повелению Петра I в 1718 г. исторического сочинения С. Пуфендорфа, где содержался критический фрагмент об образованности русского народа. Гавриил Бужинский так перевел его с латыни: «О нравах и о разуме народа российского ничтоже вспоминати имеем, еже бы с великою их славою сопряжено было, ниже бо россияне тако суть устроены и политичны, яко же прочие народы европейские. В письменах же толь неискусны, яко в писании и прочтении книг совершенство учения полагают».²⁰ Посредством сохранения данного места в русском переводе фактически признавалось слабое развитие образования

¹⁵ См.: Николаев С. И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996. С. 52–58; Он же. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: библиографические материалы. СПб., 2008.

¹⁶ Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе 1697–1699. М., 1992. С. 102.

¹⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1889. Т. 2: 1702–1703. С. 34.

¹⁸ Русский посол в Стамбуле (Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в.). М., 1985. С. 40, 43.

¹⁹ Панегирическая литература петровского времени. М., 1979. С. 154, 155.

²⁰ Цит. по: Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 326.

в допетровской России по сравнению с другими европейскими государствами. Это признание для петровского правительства было одним из обоснований вестернизаторских реформ, которые должны были привести к достижению *политического* состояния посредством обучения наукам. Как результат, по мере успехов петровских преобразований, за русскими со стороны правительства стал признаваться статус *политического народа*. В связи с этим ключевой церковный деятель петровского времени Феофан Прокопович уже в 1715 г. указывал, что «не буди бо в срамоту помянути, еже истинно есть, в коем мнении, в коей цене бехом мы прежде у иноземных народов: бехом у политических — мнимии варвары».²¹

Претензии на *политичный* статус России со стороны правительства были ярко представлены в «Разсуждении» вице-канцлера П. П. Шафирова 1717 г. о вступлении России в Северную войну, отредактированном самим Петром I. Шафиров утверждал, что со стороны царя «во время сея войны... от болшей части, по обычаю всех политичных христианских народов, поступлено», в то время как Швеция вела войну «не по обычаю политичных народов, но со всякою суровостию, не людкостию». Он указывал, что шведы «себя повсюду политичным народом прославляют», хотя ведут себя по-иному. В другом месте перечислив претензии к Швеции, Шафиров отмечал, что можно к ним еще добавить «многие такие, и сему подобные между политических народов не обыкновенные, и не токмо против обыкностей военных, но и всенародных прав... поступи собрать». Описывая же достижения Петра I, Шафиров так писал о начинавшейся коллежской реформе: «Ныне вновь учреждаемая Коллегии ко управлению внутренних и внешних Государственных дел, по образу и прикладу других политизованных [или правилно расположенных] Государств».²²

Итак, в сочинении П. П. Шафирова российское правительство заявляло о своем *политичном* статусе, а также отрицало *политичное* поведение Швеции. Подобное отрицание снимало противопоставление европейской *политичной* Швеции *варварской* России и возвышало последнюю. Основанием для этого было и объявление о достигнутых в реформах

успехах. Заметим, что в сочинении признавалась прежняя отсталость России, однако ответственность за нее частично перекладывалась на европейские государства. В заключении данного труда, созданном на основе собственноручного наброска Петра I, указывалось, что «не токмо одни Шведы, но и другия и отдаленныя народы, всегда имели ревность и ненависть на народ Российской, и тщились оной содержать в прежнем неискусстве, особливо же в воинских и морских делах».²³

Окончательным триумфом *политичного* в официальном дискурсе петровской России стало поднесение Петру I нового титула в 1721 г. Синод 18 октября «имел секретное разсуждение», чтобы сделать монарху приношение и молить его о принятии титула «ОТЦА ОТЕЧЕСТВА, ПЕТРА ВЕЛИКАГО, ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССИЙСКАГО». 21 октября состоялось общее заседание Сената и Синода, где подготовили обращение к монарху, которое от имени обоих государственных органов должен был зачитать Петру новгородский архиепископ Феодосий, вице-президент Синода. Документ гласил: «Вашими [Петра I — М. К.] неусыпными трудами и руководством, мы, Ваши верные подданные, из тьмы неведения на театр славы всего света и, тако рещи, из небытия в бытие произведены, и во общество политичных народов присовокуплены, яко то не токмо нам, но и всему свету известно». Правда, Сенат перехватил инициативу у Синода и окончательный вариант речи был подготовлен П. П. Шафировым,²⁴ с которым «имянем всех Государственных чинов» выступил канцлер Г. И. Головкин, заявивший во время церемонии: «...вашими неусыпными трудами, и руководством, мы ваши верные подданные, из тьмы неведения, на феатр славы всего света, и тако рещи из небытия в бытие произведены, и во общество политичных народов присовокуплены».²⁵ Таким образом, Россия оказывалась официально провозглашена частью *политичных народов*.

После смерти Петра I прилагательное *политичный* продолжило свое бытование. Так, в 1732 г. переводчик И. М. Сечихин писал

²³ Там же. С. 74.

²⁴ См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1. Прил. Стб. CCCCLII, CCCCLV, CCCCLVIII.

²⁵ Реляция что прежде, и при отправлении назначенного, от его императорского величества всероссийского. В 22 день октября, сего 1721 году торжества; о заключении с короною швецкою вечного мира чинилось. СПб., 1721. С. 3.

²¹ Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 46.

²² Шафиров П. П. Разсуждение какие законные причины... Петр Первый... к начатию войны против короля Карола 12... имел. СПб., 1717. С. 2, 6, 59, 72.

«о необходимости ориентироваться на Францию и на “весь политичный свет”».²⁶ В начале 1740-х гг. ректор Славяно-греко-латинской академии Кирилл Флоринский в проповеди, обращаясь от имени Елизаветы Петровны, восклицал: «Не отец ли мой [Петр I — М. К.], грубия прежде и невежды — политичныя и вежливыя сделал?»²⁷ В августе 1762 г. И. И. Бецкой в доношении об увековечении восшествия Екатерины II на престол указывал, что еще «у самых древнейших народов, яко, у египтян, греков и римлян обычай был память народного могущества и славы их Государей сохранять на будущие роды». О настоящем Бецкой писал, что «в новейшия времена, по истреблении варварства, политичные и науками просвещенные народы, следуя сим похвальным примерам, ...представляют почти ежегодно новые к подражанию сему примеры».²⁸ В научно-популярном журнале Академии наук в 1764 г. Г. Ф. Миллером отмечалось, что «уйгуры должны быть старой и политичной народ, когда грамота была им так собствена, что они букв себе от других народов не занимали, но паче в том от всех протчих разнились».²⁹ В 1787 г. М. Д. Чулков, начиная описывать историю торговли при Петре I, заявлял: «По учинении некоторых побед над Турками, и по завоевании Азова, сей Великий Монарх положил начало владению своего на Черном море; сверх того Каспийское готово уже находилось ко исполнению его хотений; однакож оба сии моря казались ему весьма недостаточными к совершенному удовольствованию всех его желаний. Он желал свой народ приобучить к такому житию и к такому обращению и к таким обычаям, какие имеют политичные народы. Сицевых народов не находил он за Черным и Каспийским морями, а нашел их в своем путешествии в Северозападной Европе».³⁰ Как видно из этих примеров, *политичное* состояние народов и после смерти Петра I продолжало российскими интеллектуалами противопоставляться *варварству* и связываться с определенным уровнем освоения наук, включая

наличие письменности, а также с вежливыми манерами.

Прилагательное *политичный* российский читатель в послепетровское время мог встретить и в переводных текстах. В 1770 г. вышел перевод статьи «Право» из знаменитой «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, выполненный Я. Козельским, где отмечалось: «Право всесветное, или право всех народов (*droit des gens*) есть право общее для всех политичных народов (*les nations policées*), из которых каждой имеет свое особое право». В другом месте этой статьи разъяснялось, что «политичные народы (*Les nations policées*) имеют с некоторыми народами больше или меньше общих прав, нежели с другими, смотря потому, как те народы сами больше, или меньше полированы (*sont eux-mêmes plus ou moins civilisés*), и потому как они знают законы человеколюбия, справедливости и чести». Так, с «дикими народами... которые состоят в глубочайшем невежестве, политичные народы мало имеют сообщения». В то же время «у варваров, которые живут на подобие политичных областей (*vivent en forme d'état*), можно торговать, и все другое, что они дозволят, делать, равно как у политичнейших народов (*des peuples plus polis*)».³¹ Отметим, что в этой статье воспроизводилась схема, с помощью которой, согласно Л. Февру, «на протяжении всего XVII в. французские авторы классифицировали народы в соответствии с иерархической шкалой, довольно неопределенной и в то же время очень жесткой. На самой низшей ступени — “дикари”. Несколько выше... — “варвары”. После чего, поднявшись еще на ступень, мы находили народы, обладавшие “*civilité*”, “*politesse*” и, наконец, мудрой “*police*»».³² При этом в русском переводе 1774 г. трактата Ш. Роллена “*De la maniere d'enseigner et d'étudier les belles-lettres*” (1726), выполненном И. Крюковым, содержался такой пассаж: «Греки и Римляне были народы политичные (*nations civilisées*), просвещенные (*polies*), наполненные особами искусными в знаниях и науках. У них находятся ораторы, Философы, политики, многие притом законодавцы, юриспруденты, судьи».³³ Итак, для российских переводчиков третья иерархическая ступень, связанная с *civilité*

²⁶ Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. 2. С. 317.

²⁷ Цит. по: Попов Н. А. Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны // Летописи русской литературы и древности. 1859. Т. 2. Отд. 3. С. 3.

²⁸ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1876. Т. 17. С. 305, 306.

²⁹ Изъяснение о некоторых древностях в могилах найденных // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1764. Декабрь. С. 490.

³⁰ Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах. Т. 4, кн. 1. М., 1785. С. 9.

³¹ Статьи о нравоучительной философии и частях ее из Энциклопедии. СПб., 1770. Ч. 2. С. 106, 127.

³² Февр Л. Указ. соч. С. 249.

³³ Роллен Ш. Способ, которым можно учить и обучаться словесным наукам. СПб., 1774. Ч. 1. С. 47, 48.

(цивилизированность), описывалась с помощью уже хорошо знакомого им прилагательного *политичный*, при этом данное слово вполне могло использоваться для перевода французского *civilisé* (цивилизированный).

Однако к концу XVIII в. прилагательное *политичный* все меньше и меньше стало использоваться для описания стадии развития народов, противопоставляемой *варварству* и связанной с овладением науками. Как результат, уже во втором издании «Словаря Академии российской» в томе, напечатанном в 1822 г., о прилагательном *политичный* отмечалось: «простонар. Учтивый в обхождении».³⁴

С чем это могло быть связано? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к текстам российских авторов, которые, описывая проблему овладения народами наук и преодоления *варварства*, использовали альтернативные *политичному* слова. Одним из таких значимых для второй четверти XVIII в. авторов был младший современник Петра I В. Н. Татищев. В сочинении 1730-х гг. он рассуждал о связи между распространенностью суеверий в народе и бунтами. Татищев отмечал, что «где столько бунтов и государству разорений как в Турках, иде же народ никакого просвещения ума не имеет и в темноте суеверия утоплен». Более того, он был готов положить именно просвещение в основу периодизации мировой истории. Татищев задавал следующий вопрос: «Како разделяете состояние всего мира на станы младенческий, юношеский и протч.», — на что давал такой ответ: «Мню, не можно ль так разуметь, что первое просвещению ума подавало обретение письма; другое великое переменение учинило пришествие и учение Христово; третье — обретение тиснения книг». Затем в сочинении 1740-х гг. Татищев писал о влиянии *просвещения* на виды *правительств*. Например, в «областях хотя из неколиких градов состоящей» полезным правительством может оказаться «аристократическое..., а особливо если народ учением просвясчен и законы хранить без принуждения прилежит». Что же касалось больших по территории государств, «особливо где народ не довольно учением просвясчен и за страх, а не из благонравия или познания пользы и вреда закон хранит, в таковых не иначе, как само- и единовластие потребно».³⁵

Далее такой важный государственный деятель середины XVIII в., активно занимавшийся реформами образования, как И. И. Шувалов, в начале 1762 г., критикуя решение Петра III дать полную волю для дворян служить или не служить, утверждал, что «великая часть» дворянского юношества «в отдаленных деревнях в крайнем невежестве твердеют, должности приличной по состоянию не знают, и тем предпочитают свой покой и нужное пропитание славе и чести». Чтобы изменить такую ситуацию, Шувалов настаивал на развитии дворянских учебных заведений, после обучения в которых юные дворяне, «получа должное с их рождением воспитание, приобыкши быть в сообществе, потеряют грубое предубеждение; получив надлежащее просвещение, конечно не захотят... возвратиться во свое темное жилище».³⁶

Кроме того, Екатерина II в своем «Наказе» (1767) Уложенной комиссии также апеллировала к *просвещению*: «Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтобы просвещение (*les lumieres*) распространилось между людьми». В другом месте она отмечала следующее: «В числе естественных богатств можно класть природный ум жителей, который, получив просвещение (*etant eclaire*), и будучи ревностно поощрен и возвышен, может простерться далече, и великими своими успехами принести пользу Государству и частным людям немалую».³⁷ И такого рода рассуждений о *просвещении* российских авторов второй половины XVIII в. можно найти еще десятков-другой.

Если сравнить приведенные выше высказывания о *политичном* и о *просвещении*, то следует отметить, что последнее связывалось не только с усвоением знаний и набора манер. *Просвещение*, составной и важной частью которого были *науки*, предполагало дополнительно особое рефлексивное состояние ума, связанное с приобретением «благонравия или познания пользы и вреда», благодаря чему *просвещенный* человек, вооруженный знаниями, должен был начать действовать особым образом, направленным на достижение общего блага. Можно сказать, что *политичное* состояние оказывалось лишь первым шагом по овладению европейскими нравами, обычаями

³⁴ Словарь Академии российской. СПб., 1822. Ч. 4: О–П. Стб. 1431.

³⁵ Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 88, 89, 70, 147.

³⁶ Бумаги И. И. Шувалова // Русский архив. 1867. № 1. Стб. 70–71.

³⁷ Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения Екатерины II. М., 2018. С. 402, 484.

и знаниями, после чего должна была состояться их интериоризация.

В связи с этим приведем наказ дворян Ала-торского уезда 1767 г. депутату, направляемому ими в екатерининскую Уложенную комиссию. В нем заявлялось следующее по поводу процедуры допроса, предполагавшей замену пыток увещанием от священника: «Которые злодеи пойманы и приведены будут в канцелярию, и о том их злодействе спрашиваются с увещанием от священника, кое признание, хотя последовать и может, но просвещенному и политизированному народу, а российский народ, когда который зделаетца злодеем, то есть вор, а паче разбойник, то уже такое окамененное сердце и дух сугубый имеет, что не только священнику, и в розыску, когда его пытаются, правды не скажет».³⁸ Итак, разбойники являлись непросвещенными и неполитизированными отнюдь не из-за недостатка знаний или плохих манер, а из-за их нравственного состояния — окамененного сердца, в связи с чем предполагалось, что они и не поддадутся на

увещания от священника рассказать правду. Соответственно, по-настоящему *политичным* и *просвещенным* был обладатель особого самосознания, реагирующий на разумные слова со стороны священника. С точки зрения такой логики *политичное*, увязываемое с петровских времен с внешним набором навыков и механическим усвоением наук, оказывалось уступающим по внутренней глубине *просвещенному*, в связи с чем последнее смогло поглотить его в рассуждениях о *цивилизированности*.

Другое дело, что в какой-то момент слов *просвещенный* и *просвещение* оказалось недостаточным. И. М. Ястребцов, которого М. Б. Велижев излишне смело называет «полноправным “изобретателем” слова “цивилизация”» в России, в 1833 г. писал: «Иностранным словом цивилизация выражаю совокупность обоих родов просвещения, умственного и гражданского».³⁹ Однако вопрос, почему Ястребцову оказалось необходимо объединить два *рода просвещения* словом *цивилизация*, является отдельной темой для исследования.

Mikhail A. Kiselev

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: mihail.a.kiselev@gmail.com

THE RISE AND FALL OF THE TERM “POLITICHNYI” IN 18TH CENTURY RUSSIA: TOWARDS THE PREHISTORY OF THE CONCEPT OF CIVILIZATION

The article is devoted to the prehistory of the emergence in the Russian political language of such an important concept for the European culture of the Modern times as *civilization*. In view of the historiography, the article focuses on the adjective *politichnyy*. In the language of Muscovy in the 16th–17th centuries, the notion of *barbarians* was mainly used to mean “non-Christian peoples” for whom *Christians* were contrasted. In the second half of the 17th century, ideas according to which barbarism was associated with a lack of knowledge and science, as well as manners, were introduced to Russia and later adopted by the elite. From this position, Russia was seen, above all, as a barbarous country. With the successes of Peter the Great reforms and the advances in the European

³⁹ Велижев М. Б. Цивилизация. С. 84, 89. В 1816 г., когда юный И. М. Ястребцов еще занимался своим образованием, в газете «Северная почта» писали, что Екатерина II «познакомила Россию с гражданскою свободою, яко с основанием народной образованности или *цивилизации* [выделено нами — М. К.]» (Северная почта. 1816. 2 августа. № 62). Уже в 1828 г., то есть примерно за два года до публикации статей Ястребцова в 1830 г., где он начнет использовать слово *цивилизация*, в журнале «Вестник Европы» утверждалось по поводу выражения *гражданская образованность*: «Сими двумя словами у нас иногда хотят выразить то, что на разных языках Европейских разумеют под словом *цивилизации* — под словом, которое у всех на уме и на языке в наше время» (G. W. О гражданской образованности // Вестник Европы. 1828. № 7. С. 225). Если в 1828 г. слово *цивилизация* было «у всех на уме и на языке», то едва ли его мог «изобрести» в 1830 г. Ястребцов. Примеры употребления слова *цивилизация* до 1830 г., которые можно было бы умножить, свидетельствуют о том, что ранняя история бытования в России понятия *цивилизация* также нуждается в дополнительном изучении.

³⁸ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1889. Т. 68. С. 117.

knowledge, Russia's status as a *politichnyy nation* began to be recognized, which was officially proclaimed in 1721. By the first quarter of the 19th century, the adjective *politichnyy* stopped being used to describe the stage of a nation's development which opposed to barbarism. *Politichnyy* was used to mean "courteous". This was due to the fact that the *politichnyy* stage, perceived as external assimilation of manners and knowledge, was absorbed by the idea of *enlightenment*, which implied interiorization of assimilated knowledge and a corresponding change in human behavior.

Keywords: *history of concepts, civilization, politichnyy, reforms of Peter the Great*

REFERENCES

- Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Russia]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2001, vol. 11. (in Russ.).
- Febvre L. *Boi za istoriyu* [Combats for history]. Moscow: Nauka Publ., 1991. (in Russ.).
- Filyushkin A. I. *Andrey Mikhailovich Kurbskiy: Prosopograficheskoye issledovaniye i germeneyticheskiy kommentariy k poslaniyam Andrey Kurbskogo Ivanu Groznomu* [Andrey Mikhailovich Kurbsky: Prosopographic study and hermeneutic commentary on Andrey Kurbsky's letters to Ivan the Terrible]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU Publ., 2007. (in Russ.).
- Goldberg A. L. [Yuri Krizhanich and Shimon Starovolsky]. *Slavia*, 1965, no. 1, pp. 28–48. (in Russ.).
- Nikolaev S. I. *Literaturnaya kul'tura Petrovskoy epokhi* [Literary culture of the era of Peter]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1996. (in Russ.).
- Nikolaev S. I. *Pol'sko-russkiye literaturnyye svyazi XVI–XVIII vv.: Bibliograficheskiye materialy* [Polish-Russian Literary Relations of the 16th–18th centuries: Bibliographic materials]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2008. (in Russ.).
- Schierle I. [The semantics of the political in 18th-century Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskkiye nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science], 2018, no. 2, pp. 7–33. (in Russ.).
- Skinner K. [Language and political changes]. *Logos* [Logos], 2005, no. 3 (48), pp. 143–152. (in Russ.).
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI–XVIIth centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1975, iss. 2. (V–Volga). (in Russ.).
- Uspensky B. A. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Moscow: Gnozis Publ., 1994, vol. 2. (in Russ.).
- Velizhev M. B. *Tsivilizatsiya, ili Voyna mirov* [Civilization, or the War of the Worlds]. Saint Petersburg: EU SPb Publ., 2019. (in Russ.).
- Voloskova A. V. [Foreign words in the diplomatic terminology of the early 18th century]. *Vzaimodeystviye yazykov* [Interaction of Languages]. Sverdlovsk: UrGU Publ., 1969, pp. 31–44. (in Russ.).
- Vulpus R. [On the semantics of the empire in Russia of the 18th century: the conceptual field of civilization]. *"Ponyatiya o Rossii": k istoricheskoy semantike imperskogo perioda* ["Concepts of Russia": toward a historical semantics of the Imperial period]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, vol. 2, pp. 50–70. (in Russ.).

Для цитирования: Киселев М. А. Взлет и падение термина «политичный» в России XVIII в.: к предис-
тории понятия «цивилизация» // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 84–92. DOI:
10.30759/1728-9718-2022-3(76)-84-92.

For citation: Kiselev M. A. The rise and fall of the term "politichnyy" in 18th century Russia: towards
the prehistory of the concept of "civilization" // Ural Historical Journal, 2022, no. 3 (76), pp. 84–92. DOI:
10.30759/1728-9718-2022-3(76)-84-92.